

Н. Н. Петрунина

«Д. В. ДАВЫДОВУ»
(«ТЕБЕ, ПЕВЦУ, ТЕБЕ, ГЕРОЮ!..»)

Из стихотворений Пушкина 1835—1836 гг. послание к Денису Давыдову выделяет живая юношеская интонация. Это один из последних образцов пушкинской лирики, в которых осенняя ясность и прозрачность стиха не затуманены глубоким и горьким раздумьем. Стихия послания — энергия: энергия стиха, энергия чувства и мысли. В нем царит Давыдов легенды, освобожденный от груза лет и бранных привычек: Давыдов-поэт, очищенный под пером своего гениального современника, и Давыдов-«наездник», рыцарь стремительного действия, «наскока», воплощенный в летучем ритме пушкинского стиха. Это некая квинтэссенция Давыдова, формула его поэтической репутации, а по меткому слову самого партизана-поэта — его «патент на бессмертие».

Быть может, в силу очевидной локальности своего смысла стихотворение никогда не было предметом специального анализа. О нем писали большей частью попутно и чаще всего в связи со способностью Пушкина в совершенстве имитировать поэтическую манеру своих предшественников и современников. Привлекало внимание и другое — своеобразное преломление в послании образа Пугачева, героя только что изданного исторического исследования Пушкина и тогда еще не завершенной «Капитанской дочки». Как ни существенны наблюдения, накопленные по этим двум и по другим (более частным) вопросам, послание Пушкина к Д. Давыдову заслуживает, как представляется, более пристального и всестороннего изучения.

1

Прежде всего — о творческой истории стихотворения.

Первый из известных ныне его автографов не датирован. Это набросок, сделанный на отдельном листе бумаги (ПД, № 232) среди других черновых записей: письма к неизвестной графине (XVI, № 1036) и стихотворения «Менко Вуич грамоту пишет», так и оставшегося незавершенным. На той же стороне листа, одновременно с попыткой продолжения «Менко Вуича» появились

и интересующие нас строки послания к Давыдову.¹ Поскольку ни одна из перечисленных записей не имеет авторской даты, ключом для их датировки признаны список долгов и сопутствующие ему цифровые выкладки, находящиеся на обороте листа² и, судя по почерку, перу и чернилам, записанные в один день с основной частью черновика «Менко Вуича». М. А. Цявловский, впервые опубликовавший расчеты, отнес их к «первой половине 1835 г., когда поэт ведал еще денежными делами родных», с уточняющим замечанием, что список долгов составлен Пушкиным в ожидании гонорара за выпущенную в свет около 28 декабря 1834 г. «Историю Пугачева».³ Список можно датировать и точнее. Он набросан не ранее 28 декабря 1834 г., когда Пушкин в счет долга Льва Сергеевича А. Н. Плещееву (его представлял в Петербурге П. Н. Беклемишев) уплатил 1500 руб.⁴ и остаток долга, включенный в список, составил 500 руб. С другой стороны, подсчет долгов произведен никак не позднее 8 января 1835 г.: долг П. В. Нащокину значится в списке в размере 3000 руб. Между тем к 8 января Пушкин не только получил письмо Нащокина, уточнявшее сумму долга («две тысячи, — а в процентах мы при свидании сочтемся» — XV, 202), но и распорядился о выплате этих денег (XVI, 3—4). Если же признать вслед за М. А. Цявловским, что рубрика «За бум.» означает долг Пушкина типографии II отделения за бумагу для 1800 экземпляров «Истории Пугачева», то возможные сроки составления списка долгов еще сократятся: 31 декабря 1834 г. соответствующий счет типографии был погашен Пушкиным.⁵

Из этого следует, что «Менко Вуич», как и цифровые записи, относится ко времени между 28 и 31 декабря 1834 г. Несколько ранее возник черновик письма к неизвестной графине, несколько позднее внесены поправки в текст «Менко Вуича» и сделан на-

¹ Это следует из внешнего вида автографа: черновик письма к неизвестной писан карандашом, стихотворение «Менко Вуич» — чернилами, поправки и дополнения к нему — снова карандашом. Набросок послания Давыдову сделан тем же карандашом и сходным почерком.

² См.: Пушкин. Письма последних лет. Л., «Наука», 1969, стр. 254, № 88.

³ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 378.

⁴ Там же, стр. 367.

⁵ См.: Литературный архив, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1938, стр. 33; ср.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., Всесоюзная книжная палата, 1962, стр. 364. Толкование, данное записи М. А. Цявловским, по-видимому для указанного отрезка времени единственно возможное. Сомнение вызывает лишь сумма долга «За бум.». В списке он обозначен в размере 3113 руб. Между тем по действовавшим тарифам бумага для 1800 экз. обошлась в 2446 руб. 87 коп. ассигнациями (ср.: Пушкин и его современники, вып. XVI. СПб., 1913, стр. 86), в золоте это равнялось внесенным Пушкиным 100 полуимперIALам. Впрочем, при окончательном расчете сумма могла подвергнуться уточнению.

бросок, являющийся сейчас первым по времени следом задуманного Пушкиным послания к Давыдову.

Вот его текст:

Не удалось мне за тобой⁶
Мне сладок был Парнасский <?> к<лир> <?>⁷
Но и по [эт<ой>] нашей службе <трудной>
И тут о м<ой> н<аведник> чудный
Ты <мой отец и командир>

Каково назначение этой записи и место ее в истории текста? Н. В. Измайлов увидел в ней «набросок переработки неизвестной редакции» стихотворения (III, 1027), предположив тем самым, что ей предшествовала другая, не дошедшая до нас рукопись. Такая трактовка допустима, но не единственно возможна.⁸ Скорее, перед нами первое закрепление на бумаге текста, сложившегося в голове, — своего рода рамка, которую должны были заполнить готовые формулы; требовалось лишь обозначить, куда их вставить при переписке.

В любом случае ясно одно: замысел послания (а в значительной части и самый его текст) уже оформился в последние дни 1834 или в первые дни 1835 г. Автограф ПД, № 232 ничем не выдает лишь существования заключительного четверостишия («Вот мой Пугач» и т. д.). Тем не менее, по-видимому, подразумеваемый в этой беглой записи первый стих послания, а также соседство наброска с расчетами, связанными с выходом «Истории Пугачевского бунта», — знак того, что пушкинское стихотворение было с самого начала задумано как надпись на этой книге.

«История Пугачевского бунта» вышла в свет в самом конце 1834 г. Однако, как мы увидим, послание и самая «История» не были отправлены Давыдову ни сразу по выпуске книги, ни в течение всего 1835 г. Для вручения их потребовалась личная встреча Пушкина с Давыдовым, которая произошла в Петербурге в январе 1836 г.

Что же в конце 1834 г. могло натолкнуть Пушкина на мысль послания к Давыдову? Несмотря на давние дружеские отношения, после 1831 г. они не встречались и не переписывались. Однако 4 апреля 1834 г. Давыдов, живший в своем симбирском поместье, обратился к поэту с письмом. Здесь Давыдов и радовался, узнав в одном из эпитафий к «Пиковой даме» свой старый анекдот, и

⁶ В академическом собрании сочинений: «тобою» (III, 1027). Судя по рифме «тобой», первый стих послания предполагался на этой стадии в варианте: «Тебе, певец, тебе, герой».

⁷ В академическом собрании сочинений: «Мне сладок был Парнаса». Однако более вероятно, что в конце второго стиха (как это характерно и для записи дальнейших стихов) имеет место слитное написание двух сокращенных слов.

⁸ См.: С. Бонди. Черновики Пушкина. М., «Просвещение», 1971, стр. 93—95.

восхищался Пушкиным («единственный, родной душе моей поэт»), и досадовал, что они разминулись во время поездки Пушкина в Поволжье в 1833 г.: «... я возвращался из того края, в который ты ехал и где я мог бы тебе указать на разные лица или рожи, от которых ты мог получить и бумаги и сведения тебе нужные» (XV, 123). В этом же письме, из которого видно, что Давыдов знал о работе Пушкина над «Историей Пугачева» и сочувствовал ей, он назвал Пушкина своим «Парнасским отцом и командиром» — формула, переадресованная в пушкинском послании поэту-партизану.⁹ В ноябре же, когда «История Пугачева» была уже отпечатана и для ее выпуска Пушкин ожидал лишь возвращения из-за границы Николая I, в Петербурге стало известно о смерти французского поэта, члена Академии Арно.¹⁰ Весть об этой смерти (как не раз бывало с Пушкиным в других подобных случаях) побудила его, вероятно, заглянуть в книгу стихотворений Арно. И здесь поэт наткнулся на четверостишие, обращенное Арно к Давыдову.¹¹ Позднее, в 1836 г., Пушкин процитировал его в статье «Французская Академия»:

À vous, poète, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène,
Avez d'une feuille de chêne
Fait une feuille de laurier.¹²

(XII, 46)

Известие о смерти Арно и последующее чтение его сочинений и могли дать решающий толчок творческому воображению поэта.

Первоначальный набросок стихотворения поддается довольно точной датировке. Иначе обстоит дело с другим автографом (ПД, № 233), дающим полный текст послания. Первые четыре строки его совпадают с окончательным текстом и написаны хотя и торопливо, но набело, без поправок. Нет поправок и в 8—14 сти-

⁹ Впрочем, Давыдов был щедр на употребление этой формулы. Годом раньше, 23 апреля 1833 г., он писал, на этот раз Н. М. Языкову: «Никто более вас <...> не имеет дара волновать мою душу и владычествовать над нею своевольно, деспотически. Вы мой единственный Тиртей, или, по-солдатски, вы мой нравственный отец и командир» (Русская старина, 1884, № 7, стр. 134).

¹⁰ См., например: Северная пчела, 1834, № 265, 21 ноября, стр. 1058.

¹¹ Oeuvres de A. V. Arnault de l'Ancien Institut de France, etc., etc. Fables et Poésies diverses. Paris, 1825, p. 168. Книга была в библиотеке Пушкина; в каталоге Б. Л. Модзалевского (Пушкин и его современники, вып. IX—X. Пб., 1910) она значится под № 556.

¹²

Тебе, поэт, тебе, воин,
Упиваясь шампанским на берегу Иппокрены,
Ты сотворил из дубового листка
Листок лавровый.

(XII, 476)

хах, которые содержат лишь один вариант к тексту «Современника» («наездник» вместо «урядник» в начале последнего стиха). Зато в стихах 5—7, разрабатывающих вторую строку описанного выше наброска («Мне сладок был Парнасский <?> к. <лир> <?>»), автограф, как сказано выше, неожиданно переходит в черновик, так и оставшийся не вполне доработанным (см. III, 1027). Это позволяет с известной долей уверенности предположить, что между записью ПД, № 232 и перебеленным автографом послания не было других, утраченных ныне творческих рукописей.

Датировать перебеленный автограф — это по существу решить вопрос о том, когда была завершена основная творческая работа над стихотворением. Естественно предположить, что между появлением первоначального наброска и его разработкой не могло пройти много времени. Но как бы то ни было, Пушкин вручил послание адресату лишь в январе 1836 г. Об этом свидетельствуют письма Давыдова к жене из Петербурга от 23 и 25 января 1836 г. В первом из них он сообщает: «Великий Пушкин передал мне экземпляр своей великолепной „Истории Пугачева“ вместе со стихотворным посланием; стихи прелестны, как и все, что выходит из-под его пера»;¹³ во втором привел самый текст стихотворения (с двумя мелкими неточностями). Из позднейшего свидетельства Н. В. Гербеля мы знаем и дату, выставленную Пушкиным на поднесенном Давыдову автографе: «18 января 1836 г. СПб.».¹⁴

В печати послание появилось в составе пятого, посмертного тома «Современника». Источником публикации послужил текст, сообщенный Давыдовым П. А. Вяземскому в письме от 23 мая 1837 г.,¹⁵ с одним отклонением: в журнале стихотворению придан заголовок, отсутствующий в списке. Как уже говорилось,

¹³ ЦГВИА, фонд Д. В. Давыдова, д. 66, л. 9 об. Полный текст приведен в кандидатской диссертации: Р. В. Овчинников. Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева. М., 1965 (ИРЛИ, р. I, оп. 49, № 147). Частично напечатано В. Н. Орловым в кн.: Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений. Л., «Сов. писатель», 1933 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 285.

¹⁴ См.: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861, стр. 162. Ю. Г. Оксман, относивший послание к 1835 г., допускал, что в сообщении Н. В. Гербеля «вкралась ошибка: 1836 г. вместо 1835 г.» (Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, стр. 127). Однако показания Гербеля подтверждены письмами Давыдова к жене. Гербель воспроизвел дату, проставленную Пушкиным на дарственном экземпляре «Истории». Ее следует понимать как свидетельство о времени, когда послание было вручено Давыдову, а не как указание на время его создания.

¹⁵ Старина и новизна, кн. 22, Пгр., 1917, стр. 69. Здесь Давыдов писал: «Прошу вас, господ редакторов собрания всех сочинений Пушкина, не забыть внести в мелкие стихотворения его стихи, которые он мне прислал при „Истории Пугачевского бунта“. Если их у вас нет, то вот они, — мне непременно хочется, чтобы они были напечатаны — c'est un brevêt d'immortalité pour moi» («это мой патент на бессмертие»).

текст «Современника» очень близок к последнему слою перебеленного автографа.¹⁶

Со времени публикации письма Давыдова к Вяземскому отпали все сомнения в том, что первопечатный текст послания следует признать дефинитивным.¹⁷ Осталась лишь некоторая неясность, вызванная отличиями, существующими между текстом двух известных копий руки Д. Давыдова: в письмах к С. Н. Давыдовой и к П. А. Вяземскому (III, 1027). Представляется, однако, что можно с уверенностью говорить о неисправности первой копии: торопясь познакомить жену с «прелестными» стихами Пушкина, Давыдов дважды ошибся, переписывая послание.¹⁸ Во второй же копии, имевшей в виду публикацию, он был верен оригиналу. Гербель лишь дополнил эту копию авторской датой, которой Давыдов не придал значения. Было ли стихотворение озаглавлено в окончательном беловом автографе, сказать трудно: Давыдов так же легко мог ввести заголовок в список для жены («Денису Васильевичу Давыдову»), как и опустить его, переписывая стихотворение для Вяземского. Ясно одно: заголовок, приданный посланию в «Современнике» — «Д. В. Давыдову. (При посылке «Истории Пугачевского бунта»)», — дан редакторами пятого тома журнала.

¹⁶ Между ними всего четыре разночтения:

ПД, № 233	Печатный текст
5 Седлал я смирного Пегаса	Наездник смирного Пегаса
6 Таская старого Парнаса	Носил я старого Парнаса
7 порохом мундир	Из моды выпешдший мундир
14 Наездник был бы он лихой	Урядник был бы он лихой

В тексте «Современника» отражены результаты окончательной отделки стихотворения, не доведенной до конца в автографе ПД, № 233. В двух случаях (стихи 5 и 7) Пушкин вернулся к ранее существовавшим и отброшенным вариантам, в стихе 6 восстановил конструкцию, также ранее испробованную и отклоненную, одновременно заменив глагол «таскал» на «носил» (чем снят был уничижительно-пренебрежительный оттенок периода). Перемены, произведенные в составе стихов 5 и 14, взаимосвязаны. В автографе ПД, № 233, стремясь устранить троекратное повторение слова «наездник» (стихи 5, 9 и 14), Пушкин произвел замену в 5-м стихе. При окончательной перебелке стихотворения он нашел новый вариант для заключительной строки, что позволило вернуться к старому чтению в стихе «Наездник смирного Пегаса».

¹⁷ М. Л. Гофман — первый комментатор перебеленного автографа — считал текст его «самым авторитетным», полагая, что к нему восходит публикация «Современника», «небрежно» воспроизводящая рукопись (см.: Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV. Пб., 1922, стр. 400—402; Неизданный Пушкин. М.—Пгр., ГИЗ, 1923, стр. 134—135).

¹⁸ Первое отличие копии, посланной С. Н. Давыдовой, — «При гrome пушечном, огне» вместо «в огне» (стих 3) — не только делает стих неблагозвучным, но и затемняет его смысл; второе — «мирного Пегаса» вместо «смирного Пегаса» (стих 5-й) — легко корректируется, с одной стороны, сопоставлением со второй копией и автографом ПД, № 233, с другой — в рамках образной системы послания, где «бешеный конь» гусара контрастирует со «смирным Пегасом».

Что первый стих пушкинского послания — «перевод первого же стиха послания к Давыдову французского поэта Арно», подметил еще Н. О. Лернер.¹⁹ Однако связь между стихотворениями Арно и Пушкина, посвященными поэту-партизану, шире, многообразнее и в то же время сложнее. Не исключено, как отмечалось выше, что послание Арно навело Пушкина на самую мысль написать стихи, обращенные к Давыдову. Но и это лишь внешняя сторона дела. Четверостишие Арно написано, по собственному его свидетельству, приведенному Пушкиным в статье «Французская академия», как «посвящение» к сборнику стихов, который Арно послал Давыдову. Как видим, совпадает не только жанр, но и название обоих стихотворений. В этой связи иначе выглядит и известный факт, что свое послание Пушкин открыл переводом начального стиха посвящения Арно. Русский поэт как бы заявлял, что он вступает в своеобразное поэтическое состязание с французским в жанре послания-посвящения, послания-надписи, — состязание, тем более осязаемое, что в стихах Арно легко уловить отзвук легенды о Давыдове, и даже конкретнее — языка и образов, в которые она облекалась. Отдельные черты давидовского «канона» были бесспорно известны французскому поэту. Кроме стихотворения, о котором идет речь, эта осведомленность Арно выразила себя и языком прозы: «Г. Давыдов принадлежит к числу тех, кто, родившись с даром поэзии, предаются ей лишь по прихоти и для отдыха от войны и наслаждений» (XII, 476).²⁰

Начало легенде положил сам Давыдов своими посланиями к Бурцову и анакреонтическими стихами. Уже в 1811 г. под его пером складывается образ поэта-воина. Неразлучный с цевницей, которая делит с ним превратности походной жизни, он предпочитает «войны перуны» песням про «любовь, луну, кусты душистых роз». Война 1812 г. сделала для современников явными эти две — воинскую и поэтическую — ипостаси Давыдова. В «Певце во стане русских воинов» Жуковского (1812) Давыдов «пламенный боец» и одновременно «счастливым певец»-анакреонтик. В посланиях Вяземского, обращенных к поэту-партизану, он то «Анакреон под доломаном» (1814), то «баловень счастливый» музы и Марса (1814—1815), то «друг музам и Арею» (1820?). Эта структура образа Давыдова была закреплена в стихах, посвященных ему другими поэтами-современниками. Каждый из них

¹⁹ См.: Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. Пгр., 1915, стр. 489.

²⁰ Подлинник по-французски. Строки из примечания Арно к стихотворению «Листок» в упоминавшейся выше книге его басен и разных стихотворений (1825), см.: Oeuvres de A. V. Arnault...

в меру своего дарования и личной близости с Давыдовым варьировал и развивал образ «певца-гусара».²¹

Столь же характерна и другая примета, объединяющая стихи к Давыдову или о нем. Большинство пишущих находятся под сильным обаянием личности Давыдова и его поэтической манеры. Воссоздавая портрет Давыдова, они пользуются ритмическими и синтаксическими ходами, словесными формулами собственных его стихов, быстрый и энергичный склад которых неотделим в сознании современников от личности поэта-«наездника». Не остался чужд традиции и Пушкин, в первых же своих посланиях к Давыдову: неоконченном «Певец-гусар, ты пел биваки» (1821) и «Недавно я в часы свободы» (1822).

Итак, если первый стих послания «Тебе, певцу, тебе, герою!» и был непосредственно подсказан Пушкину надписью Арно, то сама эта надпись была подготовлена длительной русской традицией поэтического восприятия личности Давыдова. Не случайно во вторую половину стиха Арно («à vous guerrier») Пушкин вносит характерную поправку: у него Давыдов не просто воин, а герой. По существу начало послания Пушкина не в меньшей мере, чем стихами Арно, навеяно обращенными к Давыдову и хорошо памятными Пушкину строками из «Эды» Е. А. Баратынского (1824):

Венком певца, венком героя
Чело украшено твое.^{21а}

Как видим, лексически Пушкин даже ближе к Баратынскому, чем к Арно: в «Эде» Давыдов, как и у Пушкина, не «поэт» и «воин», а «певец» и «герой».

Образ поэта-воина, пьющего шампанское на вершине Геликона, у поэта-классика Арно условно аллегоричен. Его Давыдов статичен, абстрактен, лишен индивидуальных черт, примет места и времени. Послание же Пушкина предельно динамично, насыщено историческими и личными ассоциациями. Давыдов у него не просто герой, а герой 1812 г. по преимуществу, партизан, «на-

²¹ «Стихотворения, посвященные Денису Давыдову» собраны В. Н. Орловым и напечатаны им в виде приложения в кн.: Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений, стр. 153—185. Г. А. Гукровский писал, характеризуя этот своеобразный цикл: «Главное и лучшее творение Давыдова, основа его творчества — созданный им образ поэта-партизана; а этот образ дан не только в его стихах, но и в стихах о нем, являющихся как бы продолжением его стихов и дополнением к ним. И Пушкин, и Вяземский, и Баратынский оказались сотрудниками Давыдова в обрисовке его героя, но они работали по его плану, по его творческим наметкам, даже его стилем. Недаром почти все стихи о Давыдове написаны как стилизация его лихой манеры, его языка, его мотивов» (Г. А. Гукровский). Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 119—120).

^{21а} Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Л., «Сов. писатель», 1957 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 243.

ездник», предводитель казачьих отрядов. К 1812 г. тянутся нити уже от начальных строк обращения к Давыдову, где слышатся отзвуки переживаний Пушкина-лицейста, запечатленные в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814). Энергичные, исполненные движения стихи:

Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне —

задают тон всему посланию. В них и ответ поэтического облика Давыдова, запечатленного в его поэзии, и отблеск близкой ей по духу романтической батальной живописи эпохи наполеоновских войн. В них слились воедино личность Давыдова и его поэзия. Здесь же возникает тема взаимоотношений Пушкина и Давыдова — младшего и старшего современников, которая в пределах маленького стихотворения получает неожиданно глубокую и довольно сложную разработку.

С романтически эффектным жребием война в стихотворении контрастирует удел поэта. О нем говорится в нарочито будничных тонах. «Бешеный конь» гусара уступает место «смирному Пегасу». «Древний Парнас» черновых вариантов показался Пушкину слишком возвышенным, и его сменил «старый Парнас» — определение, которое приводит на память стихи из «Домика в Коломне»:

... Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодез
Иссох. Порос крапивою Парнас.

(V, 85)

Снижение, «реалистическое переодевание классических образов»²² продолжается и дальше: мундир парнасского служителя — это «из моды вышедший мундир».

Ассоциация с «Домиком в Коломне» не случайна. Поэма эта писалась в пору острых критико-публицистических выступлений Пушкина в «Литературной газете» и соотнесена с ними общностью реакции на новый дух литературной жизни. Притом «военные» стихи начальных строф «Домика в Коломне» «имели своим литературным фоном» строки из автобиографии Д. Давыдова, характеризующие сбор его «рассеянной стихотворной вольницы».²³ Молодой задор выступлений 1830 г. сменился теперь трезвостью с некоторым налетом усталости: болгаринщина все шире входила в жизнь литературы. В послании Давыдову прежние образы повернуты иначе: хотя высокое литературное служение вышло

²² В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1941, стр. 248.

²³ Там же, стр. 409—410. Ср.: В. Саянов. Денис Давыдов. — В кн.: Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений, стр. 24.

из моды (и, может быть, отчасти благодаря этому), служба поэта трудна. Этим будни поэтического дела этически в определенной мере уравниваются с поэзией боя.²⁴ В обращении к Давыдову:

Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир —

на парнасскую службу переносятся атрибуты воинской, опять-таки в соответствии со стилем стихов и прозы самого Давыдова.

В поэтической системе Д. Давыдова и в стихах, ему посвященных, слово «наездник» — один из основных лексических и семантических центров. Оно, соответственно словоупотреблению эпохи, означает партизана, всадника, совершающего смелые вооруженные набеги (наезды), а в более широком переносном смысле — человека, способного к внезапным, стремительным, «залетным» действиям и поступкам. В этом слове, как в фокусе, сходятся определяющие черты героя «гусарских» стихов Давыдова, его стилизованного литературного автопортрета. Особую значимость обращенной к Давыдову формулы «наездник чудный» подчеркивает то, что в окончательном тексте послания слово «наездник» встречается еще однажды, применительно к самому себе («Наездник смиренного Пегаса»), и здесь героика уступает место легкой иронии.

И для самого поэта-партизана, и для его аудитории с «наездничеством» связывался не только облик Давыдова — человека и война, но и ярко своеобразный, экспрессивный стиль его поэзии. Поэтому не случайно у Пушкина за обращением «о мой наездник чудный» снова следует стих, посвященный взаимоотношениям автора и адресата послания, на этот раз в сфере поэтического служения:

Ты мой отец и командир.

Пушкин возвращает Давыдову лестное звание «парнасского отца и командира», которым наделил его поэт-гусар. Формула эта не только происходит из письма Давыдова, она — плоть от плоти его поэтического стиля. В ней сочетаются «военное» и «фамильярное» начала.²⁵

²⁴ Что Пушкин в изображении своего жребия в равной мере избегал и романтического ореола, и уничижения, свидетельствуют варианты переписанного автографа: «Таскал я древнего Парнаса» он исправляет на «Носил я старого Парнаса»; начата, но не доведена до конца и правка следующего стиха: вместо «Из моды вышедший мундир» было намечено «... порохом мундир».

²⁵ О происхождении и стилистической функции «звания» «отец и командир» и других формул военного просторечия см.: В. В. Виноград-ов. Язык Пушкина. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 430—431.

Давыдов был склонен, рисуясь, противопоставлять два своих лика — «поэта» и «партизана». Наиболее яркое свидетельство тому — его программное стихотворение «Ответ»:

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но насоком,
И беззаботно, кое-как
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.²⁶

Сходная мысль выражена и в автобиографии поэта-гусара: «Давыдов не искал авторского имени, и как приобрел оное — сам того не знает. Большая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн <...> день их был век их».²⁷

Пушкин сохранил в своем послании тот же внешний рисунок, но противопоставление Давыдова — война по призванию и поэта между делом — им снимается. Вместо «беззаботного» наездничества, почти развлечения, поэзия предстает как общая для Пушкина и Давыдова, и притом трудная, «служба».

Призвание поэтического старшинства Давыдова не было в устах Пушкина простым комплиментом. Как вспоминал М. В. Юзефович, в 1829 г. Пушкин говорил, что пример Давыдова-поэта «дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным» и уберек тем самым от подражания Жуковскому и Батюшкову.²⁸ Летом того же 1829 г. Пушкин в сходном духе отзывался о Давыдове в Москве, в разговоре с П. Д. Киселевым. Польщенный Давыдов, со слов последнего, так передавал Вяземскому пушкинский отзыв: «Он, хвала стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои круче и приноравливаться к оборотам моим, что потом вошло ему в привычку».²⁹

Исследователями литературных взаимоотношений Пушкина и Давыдова накоплен большой сопоставительный материал, но итоги этого изучения еще не подведены. Можно предварительно суммировать выводы, вытекающие из современного состояния вопроса, в следующей краткой схеме. До 1817 г. воздействие стихов Давы-

²⁶ Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений, стр. 110. «Ответ», написанный в 1826 г., был напечатан лишь после смерти Пушкина и Давыдова, в 1840 г. Но Пушкин мог знать его, как он знал другие ненапечатанные стихи Давыдова.

²⁷ Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений, стр. 64.

²⁸ Русский архив, 1880, кн. III, стр. 444; ср.: там же, 1874, кн. II, стлб. 732.

²⁹ Старина и новизна, кн. 22, Пгр., 1917, стр. 43. К этому письму несомненно восходит и свидетельство П. П. Вяземского в его кн.: А. С. Пушкин (1826—1837) по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб., 1880, стр. 71.

дова на Пушкина обнаруживается «только в кругу гусарской военной тематики».³⁰ В последующие годы ощущается более широкое влияние Давыдова. Стремясь к выражению своей поэтической индивидуальности, Пушкин прислушивается к мужественному тону стихов поэта-партизана, к свойственным ему «резким и романтическим изломам экспрессии и смелому сочетанию образов». Давыдовское «кручение стиха» помогает Пушкину овладеть «стихийной литературно-языкового драматизма» в лирике, а затем и в поэмах.³¹ Читая в начале 1820-х годов «Опыт теории партизанского действия» Давыдова (1821), Пушкин и в нем узнал «резкие черты» «неподражаемого слога» Давыдова-поэта, но самое обращение последнего к «низкой прозе» представляется ему изменой поэзии и оригинальному облику поэта-гусара, ставшему легендой («Недавно я в часы свободы», 1822). Вспышку нового интереса Пушкина к Давыдову можно отметить в конце 1820—начале 1830-х годов. Приятельские встречи в Москве, обаяние личности Давыдова помогли установлению более глубокого внутреннего контакта. В 1830—1831 гг. Давыдов — деятельный участник «Литературной газеты», поэтическая переписка с ним улавливается в «Домике в Коломне», «Гусаре» (1833). Здесь раскрылась одна из общих особенностей творчества Пушкина 1830-х годов — его свободное владение литературными стилями предшественников и современников, способность схватывать существенные, определяющие черты этих стилей. Совершенным образом преднамеренной имитации манеры Давыдова является и описываемое нами послание. Искусно играя приметам давыдовского стиля, Пушкин вставляет их в соответствующую поэтическую оправу. Предельная статость и экономия в пользовании средствами из художественного арсенала поэта-партизана увеличивают их выразительность, способствуют достижению наивысшего художественного эффекта.

³⁰ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 158. В. В. Виноградов рассматривал интересующую нас проблему на материале эволюции поэтического стиля Пушкина и его овладения стилистическими манерами предшественников и современников. Из других работ, касающихся литературных взаимоотношений Пушкина и Давыдова, следует назвать: Б. Садовской. Д. В. Давыдов. — В кн.: Б. Садовской. Русская камена. М., «Мусагет», 1910, стр. 21—23, 48—49; М. А. Цявловский. Д. В. Давыдов. — В кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 6. Путеводитель по Пушкину. М.—Л., ГИХЛ, 1931, стр. 110—111; В. Н. Орлов. «Послания Пушкина к Давыдову». — В кн.: Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений, стр. 283—285; М. А. Цявловский. Копия стихотворения Д. В. Давыдова. — В кн.: Рукою Пушкина. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 476—478; Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 81—84. См. также статью В. Э. Вапуро о Д. Давыдове в кн.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., «Наука», 1969, стр. 393—394.

³¹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 158.

Особое значение для Пушкина в 1830-е годы (в отличие от 1820-х) приобретает проза Давыдова. Еще в письме к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г. Пушкин сочувственно отозвался о его рецензии на брошюру Давыдова «Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона», в которой Вяземский брал под защиту оригинальный слог поэта-партизана. При этом и в статье Вяземского, и в статье Пушкина вопрос о языке военной прозы Давыдова связывается с общим вопросом о состоянии «русского метафизического языка» (XIII, 187).³² Язык Давыдова-прозаика «был предметно-глаголен, необыкновенно быстр и отличался острыми неожиданными сцеплениями и присоединениями фраз». ³³ В этом он был созвучен исканиям Пушкина-прозаика. Принимаясь за «Историю Пугачева», Пушкин при скудном опыте русской военно-исторической прозы и решительном отталкивании от риторического стиля должен был выработать свои приемы описания военных действий, и здесь опыт военно-мемуарной прозы Давыдова не мог не привлечь его внимания. Считая, что вопрос о соотношении «Истории Пугачева» со статьями и воспоминаниями Давыдова — тема немаловажная и заслуживающая специального изучения, заметим лишь одно: не один стиль, но и самое существо их проблематики обнаруживают точки соприкосновения. Практик и теоретик партизанской войны, начальник казачьих отрядов Давыдов склонен был отводить этим отрядам особую роль в борьбе с Наполеоном. Именно казаки, с их «подвижностью, и сноровкой, и хитростью — всеми главными качествами всякого воинственного народа, коего методические уставы не заключили еще в графы европейского однообразия»,³⁴ составляли в его глазах одну из важных сил народной войны. Примечательно (хотя это вряд ли было известно Пушкину), что сам Давыдов, как это следует из первоначальной редакции «Дневника партизанских действий», видел общие истоки того размаха, который отличал партизанскую борьбу и движение Пугачева («Так, полагаю я, начинал Пугачев, но с намерением противоположным»).³⁵ Стремление Давыдова придать борьбе с Наполеоном характер народной войны, развязать инициативу, «сноровку» и «хитрость» ее рядовых участников, в том числе крепостных крестьян, контрастировало с официальным отношением к партизанскому движению: его боялись, поскольку боялись вооруженного народа. Отсюда скромная роль, которая отводилась партизанам

³² Ср.: Московский телеграф, 1825, ч. III, № 12, стр. 354—355. См. также: М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Л., «Наука», 1969, стр. 139—140.

³³ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 530.

³⁴ Д. Давыдов. 1812 год. — В кн.: Д. Давыдов. Сочинения. Гослитиздат, М., 1962, стр. 287.

³⁵ Н. Задонский. Денис Давыдов. Историческая хроника, кн. I. М., «Молодая гвардия», 1962, стр. 379.

официальной историографией, отсюда и долгое невнимание к трудам самого Давыдова.

Послание к Давыдову Пушкин заканчивает уверенностью, что Пугачев, «плут, казак прямой», был бы отличным «наездником» «летучих» отрядов Давыдова. «Стилистический эффект этого нового языкового „поворота“ в движении стихотворения, — справедливо писал В. В. Виноградов, — состоит в том, что на литературный образ Пугачева, созданный автором, накладываются стилистические краски казака, „лихого урядника“ из передового отряда партизана Давыдова. Это литературное средство Пугачева с давыдовскими партизанами ведет к новой смысловой параллели между автором («я», просто певцом) и певцом-героем («ты»).³⁶ Следует подчеркнуть, что характеристику Пугачева («плут», «лихой урядник») нужно воспринимать в контексте языка пушкинской поры и стилистическом ключе послания, не привнося в них чуждых Пушкину позднейших ассоциаций. «Плут», «плутовство», «плутовской» — постоянные определения Пугачева у Пушкина-прозаика. Хитрость, изобретательность, лукавство, смысленность, удалость — основные семантические грани этого определения. А вот что писал П. А. Вяземский в статье «О злоупотреблении слов» по поводу слова «лихой»: «В Словаре Академии *лихой* и *злой* имеют невыгодное значение <...> должно бы прибавить, что на языке офицерском имеют они совершенно иное. „Посмотрите на молодого гусара NN—чудо на лошади! Как *лихо* ездит и *зло* одевается!“³⁷ Что же касается слова «урядник», то в языке Пушкина (см. «Путешествие в Арзрум», «Капитанскую дочку») оно вполне нейтрально, не имеет той эмоциональной окраски, которую сообщила ему позднейшая история. Напомним, что в послании оно возникло в отмену раннего варианта «наездник», как его ближайший ритмический эквивалент. А делая Пугачева урядником «передового» отряда Давыдова, Пушкин ставил его в условия, когда не чин, а боевые качества характеризуют война.³⁸

Вовлекаясь в поэтическую сферу послания к «залету» Давыдову, образ Пугачева обретает черты, родственные адресату. Отсюда и фамильярно усеченное «Пугач», отсюда и поэтизация природных свойств «прямого казака». Пугачев дан «домашним образом». Он погружен в быт военной среды с ее особым представлением о ценностях и ее солдатским просторечием. В этом глубокое родство лаконичной характеристики Пугачева в посла-

³⁶ В. В. Виноградов. Язык Пушкина, стр. 432.

³⁷ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. I. СПб., 1878, стр. 279 (курсив мой, — Н. П.).

³⁸ Ср. в «Дневнике партизанских действий» Давыдова: «Урядник Крючков — молодой парень, еадок отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости черкесской» (Д. Давыдов. Сочинения, стр. 327).

нии с его образом, нарисованным в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке».

Поэт-историк писал о разительном контрасте между изобретательностью и быстротой действий Пугачева и неповоротливостью брошенных против него регулярных войск, между «красноречием» пугачевских манифестов и темным, запутанным слогом «увещаний» оренбургского губернатора Рейнсдорпа. Изучение пугачевщины навело Пушкина на родственную выводу Давыдова мысль об известной близости духовного облика участников народной войны XVIII в. и партизанского движения 1812 г. Неожиданное сближение Давыдова с Пугачевым связывало два народных движения, сообщало новый поэтический масштаб исторической личности Давыдова.³⁹

Чтобы вполне оценить оригинальность послания к Давыдову, интересно сравнить его с более ранним дружеским посланием Пушкина — его стихами к Языкову («Языков, кто тебе внушил...», 1826). Стихотворения сближают лаконизм, экспрессия, размер (четырёхстопный ямб вольной рифмовки) и, наконец, искусное воспроизведение манеры адресата. Тем более бросается в глаза различие: в 1826 г. Пушкина и Языкова связывали лишь общность поэтического призвания и воспоминания о вольных беседах и встречах в Тригорском. В послании же к Давыдову личные и творческие взаимоотношения автора и адресата даны в единстве связующего и разделяющего их, в динамике, соотносены с историей и современностью. В тематическом диапазоне стихов, обращенных Пушкиным к поэту-партизану, своеобразно преломились и их личная близость, ставшая более ощутимой в обстановке 1830-х годов, и размышления Пушкина-историка, и новые моменты его поэтического самосознания. Шутливое послание с его изящной легкостью оказалось своеобразной моделью, в самой игре слов и понятий искусно отразившей истинные пропорции и реальные связи вещей.

³⁹ Ср.: А. И. Грушкин. К вопросу о классовой сущности пушкинского творчества. Л., ГИХЛ, 1934, стр. 39.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974